Трибуна молодого ученого

УДК 347.1
JEL: K10

БУРОВ Илья Максимович
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Новочеремушкинская ул., д. 69, Москва, 117418, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-5070-3167
Буров Илья Максимович, студент 2 курса факультета подготовки специалистов для судебной системы (очный юридический факультет), Москва, Россия, E-mail: ilia.burov2017@yandex.ru

Научный руководитель: Ульянова Марина Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», Новочеремушкинская ул., д. 69, Москва, 117418, Россия. E-mail: maryulianova14@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Предмет/тема. В сравнительно-правовом анализе рассматриваются проблемы реализации принципа добросовестности в российском и зарубежном гражданском праве: субъективные и объективные смыслы, отличительные признаки принципа добросовестности от принципов разумности и справедливости.
Цели/задачи. Выявить основные проблемы, препятствующие полноценной и разносторонней реализации принципа добросовестности в судебной практике.
Методология.Методологическую основу исследования составляют всеобщие методы познания, а также методы анализа, синтеза, дедукции, сравнения, методы формальной логики.
Выводы.В современном российском и зарубежном гражданском праве до сих отсутствуют четко определенные критерии определения субъекта правоотношения добросовестным, что приводит к возникновению проблемы судебного субъективизма. Также из-за обилия правовых систем нет единого подхода к разграничению добросовестности, разумности и справедливости. Наличие комплекса проблем препятствует объективному применению принципа добросовестности в судебной практике.
Ключевые слова: *Принцип добросовестности, справедливость, разумность, правоотношение, субъективизм.*

Tribune of a young scientist

Ilia M. Burov, student of the faculty of training specialists for the judicial system (full-time faculty of law), 2nd year of the Russian state University of justice (Moscow). E-mail: ilia.burov2017@yandex.ru

Research supervisor: Marina V. Ulyanova, candidate of legal Sciences, associate Professor of the Department of civil law of the Russian state University of justice (Moscow). E-mail: maryulianova14@gmail.com

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN RUSSIAN AND FOREIGN CIVIL LAW

Abstract

Subject / Topic The problems of implementing the principle of good faith in Russian and foreign civil law are considered in a comparative legal analysis: subjective and objective meanings, distinguishing features of the principle of good faith from the principle of reasonableness and the principle of justice.

Goals / Objectives Identify the main problems that hinder the full and comprehensive implementation of the principle of good faith in judicial practice.

Methodology The methods of analysis, synthesis, comparison, deduction, methods of formal logic were used.

Conclusion and relevance In modern Russian and foreign civil law, there are still no clearly defined criteria for determining the subject of a legal relationship as good-conscientious, which leads to the problem of judicial subjectivism. Also, due to the abundance of legal systems, there is no single approach to distinguishing between good faith, reasonableness and fairness. The existence of a complex of problems hinders the objective application of the principle of good faith in judicial practice.

Keywords: *The principle of good faith, justice, reasonableness, legal relationship, ssubjectivism.*

В Европейском гражданском праве немалая часть кодексов содержит общие положения, закрепляющие принцип добросовестности [11, с. 619].Принцип добросовестности впервые был реализован при разрешении конкретных дел в римском праве и назывался он«bona fides».

А.М. Ширвиндт объясняет широкое применение принципа добросовестности в современном гражданском праве, в первую очередь, тем, что данный принцип позволяет судам преодолевать «строгость права со ссылкой на добрую совесть» [9, с. 216-219].Однако указывается, что строгость должна быть именно объективным мерилом гражданских правоотношений. Так, в Германии учеными в области юриспруденции были разработаны методы, которые превращают применение принципа добросовестности из субъективного суждения судьи в объективное и конкретное явление, позволяющее преодолевать «строгость права» [11, с. 623] и проводить различие между «Treu und Glauben» и «guter Glaube» как субъективными и объективными понятиями.Схожее правило определяет гражданский кодекс Нидерландов. Согласно статье 12 третьей книги (3:12)

Гражданского кодекса Нидерландов[1]:«При определении того, что требуется для разумности и справедливости, необходимо учитывать общепризнанные правовые принципы, правовые убеждения жителей Нидерландов, а также социальные и личные интересы, связанные с данным делом»[2]. Таким образом, судья должен применить принцип добросовестности настолько объективно, насколько это возможно. Также «корректировать формализм общего права»[20, с. 156] исключительно в объективном ключе предоставлено судам Англии.В вышеприведенных случаях «добрая совесть выступает в объективном значении, как известное внешнее мерило, которое принимается во внимание судом, применяющим закон» [7, с. 125].

В российской правовой доктрине сложилась единая точка зрения относительно применения данного принципа. В дореволюционное время И.Б. Новицкий определял принцип добросовестности, как то, что позволяет судье при разрешении конкретного дела выбрать «метод объективно правильного выхода, <…> в котором нужно идти, разбирая казус» [7, с.124-128]. В советский период высказывалась В.П. Грибановым точка зрения, что принцип добросовестности выражает объективную закономерность, выражающую «тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института» [3, с. 24], выполняя основополагающую роль не только в законодательном закреплении, но и правоприменении. Из этого следует, что принцип добросовестности в российском гражданском праве понимается, как объективное мерило деятельности субъектов правоотношений. В объективном смысле, целью введения такого начала, как принцип добросовестности, в гражданском законодательстве того или иного государства является, по замечанию Э. Штейнбаха, «объективность, взвешивание и обсуждение противоречивых интересов и желаний в смысле социального идеала» [19, с. 26]. Однако остается и по сей день актуальной точка зрения, высказываемая И.А. Покровским, что размытые критерии применения судами принципа добросовестности (в особенности в договорном праве) могут приводить к ситуации возникновения судейского субъективизма [8, с. 254-255]. Из этого следует, что в российском гражданском праве, каки в зарубежном праве, существует проблема выражения вовне принципа добросовестности при его применении судами.

Обращаясь к современным реалиям, необходимо отметить, что в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда дается такая формулировка

[1]Het Burgerlijk Wetboek van Nederland. Art. 3:12. // URL: https://wetten.overheid.nl/BWBR0005291/2020-01-01 (дата обращения: 15.11.2020).

[2]«Bij de vaststelling van wat redelijkheid en billijkheid eisen, moet rekening worden gehouden met algemeen erkende rechtsbeginselen, met de in Nederland levende rechtsovertuigingen en met de maatschappelijke en persoonlijke belangen, die bij het gegeven geval zijn betrokken»

оценки судами добросовестного поведения[1]: «суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения…». Судьи имеют право самостоятельно устанавливать критерии признания лица недобросовестным, что свидетельствует о проблеме возникновения судейского субъективизма. Не случайно В.В. Кулаков указывает на то, что введение в результате реформы гражданского кодекса принципа добросовестности приводит к возникновению судейского усмотрения и судейского субъективизма [22]. Также проблемазаключается в выработке четкого критерия, который смог бы определить тот самый идеал честного поведения, «какого можно требовать от каждого члена общества и которым должен руководствоваться суд при оценке их поведения» [21, с. 529]. Однако сейчас такой критерий остается бездоказательным и «каучуковым».

Следует заметить, что гражданские кодексы часто не содержат определения понятия принципа добросовестности, как объективно выраженного явления. Следует определить, что принцип добросовестности необходимо понимать и как субъективное явление, зависящее от субъектов гражданских правоотношений. В основе поведения субъекта правоотношения лежит заблуждение, то есть знание или незнание тех или иных социальных и юридических фактов, порождающих или прекращающих правоотношение. При этом, такое заблуждение субъекта нельзя отождествлять с его недобросовестным поведением тогда, когда лицо заблуждается в нормах права как таковых, вследствие их недостаточного и некорректного объективирования вовне [7, с. 135]. Разграничить одно заблуждение от другого, порой, бывает очень трудно на практике.Поэтому сейчас (как и в дореволюционное время) необходимо установить строгие условия признания или непризнания лица добросовестным [7, с. 135], что, однако, является непреодолимой проблемой.

В Германском гражданском уложении указывается, что лицо может быть признано недобросовестным, когда оно знало о таких обстоятельствах, которые могли бы привести к известному обстоятельству (§ 122); когда оно вследствие собственного небрежения не знало и не могло предполагать наступление известных обстоятельств (так же в § 132)[2]. В гражданском кодексе Франции понятие принципа добросовестности сводится к субъективному понятию недобросовестности [14].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 31.10.2020).

[2]Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) Ausfertigungsdatum: 18.08.1896 (Vollzitat: «Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBl. I S. 42, 2909; 2003 I S. 738), das zuletzt durch Artikel 2 des Gesetzes vom 16. Oktober 2020 (BGBl. I S. 2187) geändert worden ist»). § 122, § 132.

В гражданских кодексах Бельгии, Испании, Греции принцип добросовестности так же видится, как субъективное явление[1]. При этом, по мнению Роберта Колба [18, с. 23], принцип добросовестности в качестве субъективного явления используется в целях защиты законных ожиданий, порождаемых юридико-фактическими отношениями между двумя или более субъектами. Такая доктрина сложилась в континентальной правовой системе еще в1843 году, когдав деле Port of Portendick case (дело порта Портендик) британцы осуществляли свои права на защиту, руководствуясь принципом и презумпцией добросовестности в субъективном выражении.

Нельзя сказать, что в российском гражданском праве есть легальное определение добросовестности, которое есть в зарубежном праве. Однако можно полагать, что в п. 1 ст. 302 Гражданского кодекса дано легальное определение добросовестности. Статья определяет, что «Если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли». При этом в данной норме дано понятие, определяющее субъективное содержание добросовестности, которое связано с незнанием приобретателем факта, знание которого сделало бы приобретателя недобросовестным, а сделку недействительной. Однако доказать в суде то или иное поведение на практике иногда представляется непреодолимой задачей, поскольку:

- отсутствуют строгие условия признания лица добросовестным или недобросовестным, из-за чего их установление напрямую зависит от суда;
- отсутствуют пределы добросовестного поведения субъектов гражданских правоотношений [1, с. 3-7];
- отсутствуют критерии разграничения категорий «нравственности» и «добросовестности».

В современном гражданском праве при всем обилии правовых систем не каждая из них идет по пути отождествления принципа справедливости и принципа добросовестности, поскольку они рассматривают их как один объективный стандарт [11, с. 621]. По утверждению М.В. Хесселинка, отождествление данных принципов обусловлено тем, что законодатель придерживается Аристотелевской концепции справедливости, когда добросовестность выступает «воротами», через которые моральные ценности (нравственность, справедливость и другие) входят в закон. Так, в английском гражданском праве судебное решение, основанное на использовании принципа добросовестности, не может служить

[1]См.: Art. 1156 of the Belgium civil code; art. 1281 of the Spanish Civil Code; art. 173 and 200 of the Greek Civil Code.

прецедентом, поскольку оно предназначено исключительно для предотвращения несправедливости в конкретном случае [11, с. 621]. Однако в немецком институте договорного права, именуемый «culpa in contrahendo» (преддоговорная ответственность),принципы добросовестности и справедливости применяются судами порознь. Ведение переговоров о заключении договоров между двумя правосубъектными сторонамибез цели заключить договор является нарушением принципа добросовестности либо по отношению к одной из переговаривающихся сторон. При этом, прекращение переговоров одной стороной при уверенности другой о заключении сделки, рассматривается судами, как нарушение принципа справедливости [16].

В российской правовой доктрине Е. Е. Богданова указывает, что оба принципа необходимо использовать раздельно, однако в исключительных случаях в совокупности и неразрывной взаимосвязи [2, с. 22]. В пункте 10 Постановления Пленума Верховного Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»указывается, что при рассмотрении споров о защите от несправедливых договорных условий суд должен оценивать спорные условия в совокупности со всеми условиями договора и с учетом всех обстоятельств дела. Из этого следует, что судам также следует брать во внимание следование добросовестности и нравственности контрагентов сделки[1]. Однако нередко принципы добросовестности и справедливости рассматриваются отдельно (например: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 июля 2020 г. № Ф07-7318/2020 по делу № А42-6630/2019[2]).

Говоря о соотношении принципов добросовестности и разумности, необходимо отметить, что в зарубежном гражданском праве существует двоякая точка зрения. С одной стороны, делаются попытки отождествления разумности и добросовестности. Например, в английской правовой системе [13] добросовестность часто осмысливается через понятия разумность, нравственность, честность. В континентальной правовой системе предлагается исключить три измерения добросовестности (substantive, formal, institutional). При этом, место формального (formal) должны занять разумность и разумные ожидания [14, с. 2]. Пол Пауэрс в ходе своего исследования пришел к выводу, что категория добросовестность включает в себя разумность и предполагает, что при реализации своих прав участники гражданских правоотношений будут руководствоваться разумными и пропорциональными ожиданиями [17]. В статье 1:302

[1] См., например: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 19 июня 2008 г. № 7360/08, в котором суд рассматривал иск о недействительности сделки в соответствии со статьей 169 ГК РФ во взаимосвязи с нравственностью, добросовестностью, справедливостью контрагента-ответчика. // URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/5419525/ (дата обращения: 31.10.2020).

[2]URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41237443/ (Дата обращения 01.11.2020).

Принципов европейского договорного права[1] указывается, что «О разумности следует судить по тому, что лица, действующие добросовестно и в той же ситуации, что и стороны, сочли бы разумным»[2]. Таким образом, принцип добросовестности сводится к разумности и разумным ожиданиям, что не всегда является правильным. С другой стороны, разумность и добросовестность являются соприкасающимися, но не смешивающимися друг с другом категориями. В английском праве не всегда неразумный субъект является недобросовестным. Например, в деле Walfordv. Miles[3] указывается, что «Вещь считается сделанной добросовестно по смыслу настоящего акта, когда она фактически сделана честно, независимо от того, сделана ли она небрежно и с разумностью или нет»[4].

Действующее российское гражданское законодательство во многих статьях использует категории «добросовестность» и «разумность», как неразрывные и взаимообуславливающие друг друга понятия. Например, как неотъемлемые условия осуществления любых гражданских правоотношений и установления их пределов данные принципы представлены в п. 5 ст. 10 ГК РФ[5]. Так, при нарушении обоих принципов арендодатель, согласно ст. 662, может быть освобожден от возмещения стоимости улучшений, осуществляемых арендатором. Ликвидационная комиссия обязана действовать добросовестно и разумно в интересах ликвидируемого юридического лица (п. 4 ст. 64 ГК РФ). Стоит отметить, что не только законодатель, но и суд при разрешении дел опирается на соблюдение участниками правоотношений не одного, а обоих принципов[6]. Однако по справедливому замечанию Е.А. Суханова в некоторых случаях понятия ««добросовестность» и «разумность» применяются законодателем раздельно в качестве самостоятельных» [21, с. 528]. При этом доводы для их разделения приводятся разные. По указанию Е. В. Василенко, разумность отражает субъективную часть осуществления гражданских прав, а добросовестность – объективную [10, с. 16]. Не соглашается с такими доводами С.А. Иванова, которая считает, что разумность в гражданском праве означает проявление субъектами «…так называемого чувства меры, рационального понимания объективной реальности» [6, с.

[1] Principles of European Contract Law (PECL). Commission on European contract law of the European Union (complete and revised version 1998). Art. 1:302.

[2] Reasonableness is to be judged by what persons acting in good faith and in the same situation as the parties would consider to be reasonable.

[3] House of Lords. Judgement 23 January 1992. Case of Walford and Others V Miles and Another // URL: https://www.ius.uzh.ch/dam/jcr:0ad63435-bcb7-490f-ab7b-154d9acc497f/Walford%20v.%20Miles.pdf (Датаобращения 30.10.2020).

[4] A thing is deemed to be done in good faith within the meaning of this Act when it is in fact done honestly whether it is done negligently and reasonably or not.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.). п. 5. ст. 10. // СПС «КонсультантПлюс».

[6] См.: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 14 мая 2008 г. № 07АП-1717/08 // СПС «КонсультантПлюс».

18][1]. Если в дореволюционное время добросовестность определялась, как явлениеэтически безразличное, бесцветное [7], то сейчас, согласно В.И. Емельянову, разумность характеризует интеллектуальные и нравственные качества лица опосредованно, через сравнение его поведения с возможным поведением среднего человека» [5, с. 116]. Здесь основной критерий разграничения данных понятий видится и в их этической наполненности. Е.Е. Богданова видит отличие этих двух категорий в их отличной трактовке непосредственно правоприменителем в связи с тем, что оба понятия априори являются оценочными [1]. Из приведенных определений, можно сделать вывод, что на данный момент в российской правовой доктрине в целом, отсутствуют четкие критерии разграничения принципов разумности и добросовестности, по которым судам при разрешении конкретного казуса следует руководствоваться.

Таким образом, исходя из проведенного анализа научных доктрин и судебной практики, можно сделать вывод, что в современном отечественном и зарубежном гражданском праве по сей день существуют проблемы, связанные с реализацией принципа добросовестности, относительно которых продолжаются дискуссии.

Список источников:

1. Богданова (2015) - *Богданова Е.Е. Эволюция принципов договорного права*. М. 2015. С. 3-7.

2. Богданова, Василевская, Гринь и др. (2016) - *Богданова Е.Е., Василевская Л.Ю., Гринь Е.С. и другие. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития*: монография / под общ. ред. Л. Ю. Василевской. М., 2016. С. 22.

3. Грибанов (1979) - *Грибанов В.П. Гражданское право — отрасль советского социалистического права* // Советское гражданское право / Отв. Ред. В.П. Грибанов, С.М. Корнеев. М., 1979. Т. 1. С. 24.

4. Емельянов (2002) - *Емельянов В.И. Понятие «разумность» в гражданском праве России* // Вестник ВАС РФ. 2002. № 10.

5. Емельянов (2002) - Емельянов В.И. Разумность, добросовестность и незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002. С. 116.

6. Иванова (2006) - *Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России*: Автореф. дис. докт. юрид. наук. Владимир, 2006.С. 18.

7. Новицкий (2006) - *Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права* // Вестник гражданского права № 1. Том 6. С. 124-135.

8. Покровский (1998) - *Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права.* М.: Статут, 1998.С. 254-255.

9. Ширвиндт (2014) - Ширвиндт А.М. *Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение* // Aequumius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / Под ред. А. М. Ширвиндт. Статут, 2014. С. 216-219.

[1] Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: Автореф. дис… докт. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 18.

10. Василенко (2012) - *Василенко Е.В. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения*: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 16

11. Hartkamp, Hesselink, Hondius and others (2010) – Arthur S. Hartkamp, Martijn W. Hesselink, Ewoud H. Hondius, Chantal Mak & C. Edgar du Perron. Towards a European Civil Code, Fourth Revised and Expanded Edition, The Netherlands Kluwer. Law International BV. P. 619-623.

12. Goode R. The Concept of «Good Faith» in English law. // URL: http://www.cnr.it/CRDCS/ goode.htmj.

13. O'Connor J. F. (1990) - Good Faith In English Law. USA: Dartmount Publishing Company. 1990.

14. Matthias E. Storme (2003) - *Good Faith and the Contents of Contracts in European Private Law*. vol 7.1 Electronic journal of Comparative law. March 2003. URL: http://www.ejcl.org/71/art71-1.html

15. Matthias E. Storme, Good Faith and the Contents of Contracts in European Private Law, vol 7.1 Electronic journal of comparative law. 2003. URL: http://www.ejcl.org/71/art71-1.html

16. Nicola W. Palmieri. (1993) Good Faith Disclosure Required During Pre-contractual Negotiations. Seton Hall L. Rev.70. 1993.

17. Paul J. Powers (1999) - *Defining the Undefinable: Good Faith and the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods*. 18 Journal of Law and Commerce. 1999.

18. Robert Kolb (2006) - *Principles as sources of international law (with special reference to good faith).* Netherlands International Law Review. LIII: 1-36. 2006. P. 23.

19. Steinbach (1900) – Steinbach E. T*reu und Glauben im Verkehr. Eine civilistische Studie*. Wien. 1900. P. 26.

20. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2020.

21. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 52.14.00 «Юриспруденция» и по специальности 02.11.00 «Юриспруденция» / [Ем В.С. и др.] ; отв. ред. — Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. 720 с. С 528-529.

22. Кулаков (2015) - *Кулаков В.В. Прекращение обязательств по гражданскому законодательству России*: монография. М.: РГУП, 2015.

References:

Bogdanova (2015) – *Bogdanova E.E. Evolution of the principles of contract law* [Evolyuciya principov dogovornogo prava]. M. 2015. P. 3-7.

Bogdanova, Vasilevskaya, Grin and others (2016) - *Bogdanova E. E., Vasilevskaya L. Yu., Grin E.S. and others Contract law of Russia: reformation, problems and development trends: monograph* [Dogovornoe pravo Rossii: reformirovanie, problemy i tendencii razvitiya: monografiya] / under the General editorship of L. Yu. Vasilevskaya. M., 2016. P. 22.

Gribanov (1979) – *Gribanov V.P. Civil law-branch of Soviet socialist law* [Grazhdanskoe pravo — otrasl' sovetskogo socialisticheskogo prava] // Soviet civil law / Ed. V. P. Gribanov, S. M. Korneev. M., 1979. Vol. 1. P. 24.

Emelyanov (2002) – *Emelyanov V.I. the Concept of "reasonableness" in the*

civil law of Russia [Ponyatie «razumnost'» v grazhdanskom prave Rossii] // Vestnik VAS RF. 2002. no. 10.

Emelyanov (2002) – *Emelyanov V.I. Razumnost, conscientiousness and nezloupol'zovanie civil rights*. [Razumnost', dobrosovestnost' i nezloupotreblenie grazhdanskimi pravami] M., 2002. P. 116.

Ivanova (2006) – *Ivanova S.A. The principle of justice in the civil law of Russia: author's abstract. the faculty of law*. [Princip spravedlivosti v grazhdanskom prave Rossii] Sciences. Vladimir, 2006. P. 18.

Novitsky (2006) - *Novitsky I.B. The principle of good conscience in the draft law of obligations* [Princip dobroj sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava] // Bulletin of civil law No. 1. Volume 6. P. 124-135.

Pokrovsky (1998) – *Pokrovsky I.A. Main problems of civil law*. [Osnovnye problemy grazhdanskogo prava] Moscow: Statute, 1998. P. 254-255.

Shirvindt a.m. the principle of good faith in the civil code of the Russian Federation and comparative law // Aequum ius. From friends and colleagues to the 50th anniversary of Professor D. V. Dozhdev / Under the editorship of A. M. in town. Statute, 2014. P. 216-219.

Vasilenko (2012) – *Vasilenko E.V. Categories «conscientiousness» and «reasonableness» in civil law: questions of correlation*: autoref. Diss. ... Cand. the faculty of law. Sciences. Krasnodar, 2012. P. 16

Hartkamp, Hesselink, Hondius and others (2010) – *Arthur S. Hartkamp, Martijn W. Hesselink, Ewoud H. Hondius, Chantal Mak & C. Edgar du Perron. Towards a European Civil Code*, Fourth Revised and Expanded Edition, The Netherlands Kluwer. Law International BV. P. 619-623.

Goode R. The Concept of «Good Faith» in English law. // URL: http://www.cnr.it/CRDCS/ goode.htmj.

O'Connor (1990) – *J.F. O'Connor Good Faith In English Law.* USA: Dartmount Publishing Company. 1990.

Storme (2003) – *Matthias E. Storme. Good Faith and the Contents of Contracts in European Private Law*. vol 7.1 Electronic journal of Comparative law. March 2003. URL: http://www.ejcl.org/71/art71-1.html

Matthias E. Storme, Good Faith and the Contents of Contracts in European Private Law, vol 7.1 Electronic journal of comparative law. 2003. URL: http://www.ejcl.org/71/art71-1.html

Palmieri (1993) – *Nicola W. Palmieri. Good Faith Disclosure Required During Pre-contractual Negotiation*s. Seton Hall L. Rev.70. 1993.

Powers (1999) – *Paul J. Powers Defining the Undefinable: Good Faith and the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods*. 18 Journal of Law and Commerce. 1999.

Kolb (2006) - *Robert Kolb. Principles as sources of international law (with special reference to good faith).* Netherlands International Law Review. LIII: 1-36. 2006. P. 23.

Steinbach (1900) – *Steinbach E. Treu und Glauben im Verkehr*. Eine civilistische Studie. Wien. 1900. S. 26.

Main provisions of civil law: article-by-article commentary to articles 1-16. 1 of the Civil code of the Russian Federation [Princip dobrosovestnosti v GK RF i sravnitel'noe pravovedenie. Kategorii «dobrosovestnost'» i «razumnost'» v grazhdanskom prave: voprosy sootnosheniya. 20. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postatejnyj kommentarij k stat'yam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii] / / A.V. Asoskov, V. V. Baibak,

R. S. Bevzenko [et al.]; resp. edited by A. G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2020. P. 156.

Civil law. In 4 vols. T.1: General part: studies. for University students studying in the direction 52.14.00 "Jurisprudence" and specialty 02.11.00 «Jurisprudence» / [Em V. S. et al.]; ed. - E. A. Sukhanov. - 3rd ed., pererab and add. M.: volters kluver, 2006. 720 p. P. 528-529.

Kulakov (2015) – *Kulakov V.V. Termination of obligations under the civil legislation of Russia*: monograph. M.: RSUJ, 2015.